

КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ

А. Е. Чучин-Русов

Парадоксальность структуры концептов современных естественнонаучных и гуманитарных знаний, согласующаяся с универсальным принципом дополнительности Н. Бора (пространство – время, волна – частица), заявляет о себе как ключевая проблема современного универсального знания¹ и миропонимания. Амбивалентная схема-формула культурного архетипа $W = M^2$, построенная с помощью культурно-гендерных универсалий W (женское, инь) и M (мужское, ян) и предельно концентрированно выражающая суть концепции единого поля мировой культуры, является не только их инвариантом, но и позволяет эффективно решать инструментально-прикладные задачи культурного моделирования³.

Крестообразное пересечение оппозиционных пар в известной «четвернице мира» М. Хайдеггера — жизнь – смерть (горизонталь) и земля – небо (вертикаль) — предусматривает триадическое развёртывание смыслов каждой из её составляющих: прошлое – настоящее – будущее (жизнь – смерть) и рай – чистилище – ад (земля – небо). При этом крайние элементы триад носят валентный, а средние, срединные — амбивалентный характер. Уподобление культуры «второй природе» (Гёте) не исключает соотнесённости с ней по культурно-гендерному признаку: W (инь-природа) — M (ян-культура). Саму культуру также можно представить в виде дихотомической пары W (искусство) — M (наука). В науке выделяют гуманитарные (W) и естественнонаучные (M) дисциплины и т.д.⁴ Технические приёмы, принципы и особенности функционирования любой сферы искусства могут быть обобщённо представлены в виде биномов, структурированных по контрастному принципу дополнительности: звучание – молчание, высокое – низкое, короткое – долгое, громкое – тихое (музыка), холодное – тёплое, тень – свет, рисунок – живопись (изобразительное искусство), согласные – гласные, континуальность – дискретность, семантика – этимология (литература). В целом, для всех видов творческой деятельности (искусства, науки, техники) характерны такие взаимно дополняющие друг друга и конфликтные вместе с тем по содержательной своей природе понятия, как теория и практика, текст и контекст.

Ниже приведены примеры концептов современного знания, построенных по бинарно-архетипическому, амбивалентно-гендерному принципу наподобие архаических инь-ян, мифологически-сказочных кентавров, двуликого Януса, царевны-лягушки, чудища-принца и т.п. Высокая концентрация подобных синкретических структур в современном научном обиходе служит значимым свидетельством в пользу активного формирования новой архаической ситуации — неоархаики⁵.

В *математике* можно выделить древнейшие пары арифметических действий: сложение – вычитание, умножение – деление. Другие пары: геометрия – алгебра

(зрительное – умозрительное), дифференциально-интегральное исчисление, две оси в системе координат, двоичная система счисления 0-1 (компьютерная техника).

В *физике* рассматриваются детерминированно-индетерминированная картина мира, бинарная модель атома, в которой суммарный положительный заряд ядра и суммарный отрицательный заряд электронов взаимно уравновешены, модель постоянного магнита. В теории относительности утверждается четырёхмерное пространство – время, эффект близнецов. Концепция корпускулярно-волнового дуализма предлагает кентаврическую модель волны-частицы.

В *химии* основополагающей остаётся Периодическая система элементов Д. И. Менделеева, в обобщённом виде состоящая из трёх типов химических элементов: М (металлов, доноров электронов), W (неметаллов, акцепторов электронов), W = М (благородных, инертных газов, не склонных вступать в химические реакции). На этом же принципе построена планетарно-квантовая амбивалентная модель атома, вообще все виды донорно (М) - акцепторных (W) взаимодействий (в том числе широкий спектр окислительно-восстановительных реакций). Здесь же могут быть упомянуты разнообразные явления изомерии, амфотерности, химического изоморфизма. Особый пример двойничества составляют кинетика-термодинамика. Резонансно стабилизированные радикалы Л. Полинга (1954) предусматривают существование целого спектра дополнительных структур.

В *биологии*⁶ ключевыми понятиями стали фенотип-генотип⁷, родительские (W и М) аллели, доминантно-рецессивные генетические признаки, двойная спираль ДНК (Дж. Уотсон – Ф. Крик, 1950-е гг.), изоморфная формуле культурного архетипа⁸. Амбивалентный характер стволовых клеток, всё ещё вызывающих научные споры, сравним с поведением хамелеонов, способных существенно изменять окраску тела в зависимости от температуры, освещённости окружающей среды и т.п.

В *экологии* амбивалентен уже сам смысл слова «экология», под которым можно понимать: 1) раздел биологии, изучающий взаимоотношения животных, растений, микроорганизмов между собой и с окружающей средой; 2) раздел социологии, в котором рассматриваются проблемы взаимоотношения человека и среды его обитания. Базовые проблемы экологии неотделимы от культурных проблем воспитания и образования⁹ («экологическое сознание», «глубинная экология»). В обстановке угрозы системного экологического кризиса эта дисциплина обретает структуру гуманитарно-естественнонаучного «кентавра» и может рассматриваться по аналогии с лингвистической проблемой бинома парадигматика-синтагматика¹⁰ и с проблемой электронных сопряжений в современной химии¹¹.

В *психологии* разработаны модель функциональной асимметрии головного мозга (левополушарное-правополушарное мышление), представления о сознательном – бессознательном (З. Фрейд, К. Юнг), об антиподах ум – чувство, наличии «валентных» и «амбивалентных» зон в общей модели функций сознания (К. Юнг¹²), представления о симультанно-синкретическом (архаическом) и диахронно-дискретном (цивилизационном) сознании².

В *языкознании* бинарный характер языка, представляющего собой напряжённое живое целое своих противоположных и взаимно предполагаемых начал, пребывающих в подвижном равновесии, отмечал ещё В. Гумбольдт. В дальнейшем разрабатывались проблемы синхронии-диахронии как двух противопоставленных аспектов исторической лингвистики (И. Бодуэн де Куртэнэ, Н. Крушевский, Ф. де Соссюр). Была построена объединённая вертикально-горизонтальная модель дифференциации языков А. Шлейхера – Й. Шмидта¹³. Противопоставление мужской и женской речи¹⁴, залогов действительного и страдательного, субъекта и объекта действия, включая их перевёртыши («Тот ли я, кто убивает, или тот, кто был убит?» — П. Элюар), парадигматики и синтагматики, письменного языка и устной речи, центра и периферии, доминантных и рецессивных признаков позволяют сегодня рассматривать любой текст как сопряжённую систему $W = M$, в которой каждый компонент существует не изолированно, но лишь в противопоставлении с другим компонентом системы¹⁵.

В *литературоведении* также используются бинарное понятие синхрония–диахрония, представления об амбивалентном литературном герое, гомогенно-гетерогенном тексте и т.п. Происходит парадоксальное кентаврическое сращивание эпоса и эссе.

В *искусствознании* Г. Вёльфлин ввёл бинарную универсалию «ренессанс–барокко», сконструированную из культурно-гендерных оппозиций барокко (W) – ренессанс (M)¹⁶. Э. Панофский предложил модель культурного двойника: «иконология (M) – иконография (W)». Полистилистика и цитатность способствовали стиранию традиционной границы между «серьёзной», «большой», «классической» и «лёгкой» музыкой (А. Г. Шнитке). Изобразительно-текстовая симультанная книга (Б. Сандрар, С. Делоне-Терк) стала своего рода аналогом симультанных декораций средневекового религиозного театра. Идея театра абсурда (С. Беккет, Э. Ионеско) также отражает принцип схемы культурного архетипа $W = M$.

Энантиологическая¹⁷ *социология* Р. Гвардини¹⁸, культурные кентавры Д. С. Данина, «кентавр-проблема» российской социологии, обзор которой осуществил Ж. Т. Тощенко¹⁹, отметивший, что «в новой истории открыты явления, которые нельзя объяснить противоречиями процесса познания» и которые «трудно поддаются логическому объяснению»²⁰, придали новое направление социально-общественной мысли.

В *политологии* именно амбивалентно-архетипический характер бинарных базовых концептов позволяет рассматривать политику как макрофеномен культуры²¹.

Многое из сказанного выше относится и к *экономике (управлению, менеджменту)*. Амбивалентен уже характер самого слова «менеджмент», которое по-английски пишется management и означает «совокупность принципов, методов, средств и форм управления... с целью увеличения прибылей»²², а по-французски — menage, menagement, menager переводятся на русский язык как домашнее хозяйство, домоводство, семья, дом; осторожное, бережное обращение с кем-либо; умелая подготовка, устройство, бережливость и оберегание²³. Эти словарные

смыслы означают нечто прямо противоположное принципам экономики капитализма эпохи К. Маркса. В то же время они имеют вполне очевидное сходство с широкими спектрами изначальных смыслов таких слов, как «политика»²⁴, «культура»²⁵, «экономика» (прежде всего сберегающая), «экология»²⁶.

Юриспруденция, традиционно воплощаемая в аллегорическом образе богини правосудия Фемиды с завязанными глазами и с чашечными весами в одной руке, возможно, наиболее консервативная сфера человеческой деятельности, в цивилизационном контексте восходящая к законам Двенадцати таблиц (V в. до н. э.) и греко-римскому праву, вводит в практику известные бинарные пары смыслов: преступление – наказание, обвинение – защита, истина – справедливость и т.п.

Возникновение новейших *исторических* концепций относится лишь к середине XX в., тогда как революционные мировоззренческие идеи в физике, языкознании, философии, во всех сферах мирового искусства появились на несколько десятилетий раньше, вызвали гораздо больший общественный резонанс и самым существенным образом повлияли на формирование новой ментальности.

Глубокий кризис исторической науки, плачевное состояние которой стало предметом мучительных размышлений Л. Н. Толстого ещё во второй половине XIX в.²⁷, породил так называемую концепцию «неподвижной истории», связанную с деятельностью французской исторической школы «Анналов»²⁸. Примерно тогда же, в 1930-х гг., начала формироваться и в чём-то созвучная с ней концепция, получившая отражение в многотомном труде английского историка А. Дж. Тойнби²⁹. К радикальной попытке переосмысления существа и характера исторического процесса следует отнести широко известную книгу К. Ясперса «Смысл и постижение истории», опубликованную в середине XX в. В 1990 г. появилась публикация Фр. Фукуямы под названием «Конец истории?», а в 1994 г. — статья американского политолога С. Хантингтона, где причинами конца истории назывались актуальные социополитические процессы (у Фукуямы — снятие глобальных мировых противоречий, что неизбежно должно привести к «тепловой» смерти истории; у Хантингтона, напротив, обострение противоречий, возникновение новых «цивилизаций» по конфессиональному признаку и их непримиримая вражда — война всех против всех).

Активно занимавшийся глобальными проблемами Н. Н. Моисеев в своей последней книге «Быть или не быть... человечеству?» связывал негативный прогноз конца истории с реальной возможностью глобальной экологической катастрофы уже в середине XXI в. Несколько заключительных абзацев из книги известного русского историка И. М. Дьяконова «Пути истории. От древнейшего человека до наших дней» (1995) и опубликованная в том же году работа автора этих строк³⁰ наметили общие черты концепции «сингулярной истории», или «схлопывающейся истории». В качестве «движущих сил» такой модели в первом случае рассматривалось, как и у Хантингтона, обострение социополитической обстановки в мире, а во втором — регулярное сокращение времён «культурной релаксации» при периодической смене исторических культурно-гендерных доминант W и M, начиная со времён античности. При этом достижение их «точки схождения» (т. е. наступление неоархетипической ситуации, когда $W = M$)³¹ приходилось уже на первую половину XXI в.

Десятью годами позже те же результаты, но уже на другом историческом материале и с использованием иной терминологии, были получены астрофизиком А. Д. Пановым³², который в качестве «реперных точек» своего исследования использовал периоды так называемых «планетарных революций», происходивших на протяжении 4,5 млрд лет существования земли. Ещё через два года похожие результаты опубликовал Д. Фесенко по данным исследований гораздо менее продолжительного исторического периода на материале циклического развития русской архитектуры X–XXI вв.³³

Родственные соображения, но уже применительно к экономической сфере, независимо высказал В. Фельдблюм³⁴: «Удалось разработать относительно простую обобщённую математическую модель мировой динамики в историческом измерении... Модель демонстрирует, что исторический процесс как бы “спрессовывается во времени”». В целом, проблема «сингулярной истории», «схлопывающейся истории», «конца истории» с учётом последних публикаций концептуально рассмотрена в работе³⁵.

Вызвавшую много споров в прессе концепцию «спрессованной» истории Фоменко³⁶ следует, возможно, рассматривать прежде всего как негативную реакцию на давно назревшую потребность обновления исторических представлений, приведение их в соответствие с актуальной картиной мира, сформированной другими областями культуры.

Предложенный в концепции единого поля мировой культуры инструментарий позволяет выявить ряд оппозиций, перекликающихся и дополняющих друг друга: история – философия, подвижная – неподвижная история, синхрония – диахрония, культургенетика – культуркинетика, линейная – нелинейная история.

Философия, как высказался Витгенштейн на одной из своих кембриджских лекций в 1930 г., «утратила свой ореол. Ибо мы теперь обладаем методом философствования и можем говорить об *умелых* философях... Это характерно для эпохи упадка культуры или её отсутствия... Философия сейчас превращается в простое ремесло, и нимб с головы философа исчезает»³⁷. Различая идеального философа и философа-ремесленника, он проводит существенное разграничение между ними, с одной стороны, и, параллельно, по аналогии, между средневековым алхимиком и *искусным* современным химиком, с другой. Что хотел сказать этим выдающийся логик XX в., уже написавший свой «Логико-философский трактат» (1921), сделавший его знаменитым, уже претерпевший первые приступы разочарования во всеисли философской логики, но ещё не приступивший, возможно, даже к обдумыванию второй своей книги — «Философские исследования» (издана посмертно в 1953 г.), в которой опровергаются выводы первой? Не разумел ли он под «умелостью», «искусностью», *профессионализмом*², казуистическое умение логика-профессионала с помощью слов разрешать, разрушая, то, что не имеет формально-логического разрешения ни с аксиологической, ни с темпоральной точек зрения? Понял ли он уже тогда, что природа логической истины иная, чем природа сознания? Обсуждение первой проблемы преобладает в его «Трактате», второй — в «Исследованиях».

Между этими двумя книгами пролегает мучительная вечность — полоса отчуждения, осознания того, что не существует никаких философских утверждений. Те же, что считаются таковыми, не истинны и не ложны, но бессмысленны. И, что воистину парадоксально и трагично, увидеть эту бессмыслицу мешает собственный наш язык³⁸. Шла ли здесь речь о том неизреченном и принципиально неизречимом, что было в целях практически бытового удобства разделено в языке, расщеплено, дифференцировано и адаптировано, что стало удобным, выгодным, общепонятым и общепринятым, но что «существенно ограничило возможности личности», сделав её неадекватной самой себе? О том ли, что стало с некогда не разделённым и, по определению, не делимым? Что стало со Словом, Единым, меоном — эйдосом, идеей — материей, ядом — лекарством (фармакон), концом — началом (исход), количеством — качеством, местом — временем (по Аристотелю) или качеством — количеством (по Канту)?

Почти весь XX в. прошёл под знаком противостояния феноменологии и структурализма. Преодоление противоречия между структурными и феноменологическими аспектами, искусственно разведёнными и противопоставленными различными школами исследователей, т. е. превращение альтернативы «феноменология (W) или структурализм (M)» в единого амбивалентного культурного двойника «феноменология–структурализм (W = M)» стало, наверно, основным, базовым, генерализующим концептом философской мысли конца XX в. Не преодолев этого противостояния, было бы невозможно концептуально осмыслить ни историю, ни культуру, ни науку, ни искусство в целом, ни их частные проявления вне пристрастий и аксиологических установок. Именно благодаря такому преодолению, удалось разработать методы культургенетической и культуркинетической экспертизы². По мнению известного французского социолога культуры, философа, представителя постструктурализма П. Бурдьё, оппозиция между структурализмом и феноменологией, представляющая собой очередное звено в общей цепи культурных дроблений и давшая в своё время впечатляюще убедительные результаты в философии, стала со временем в её практических реализациях «фиктивной и в то же время опасной». Фиктивной и особенно опасной потому, что всё чаще «приводит к увечьям»³⁹.

Ну а что по поводу современной культурной ситуации могли бы сказать другие постструктуралисты, критикующие структурализм, с одной стороны, и использующие его основы для построения своих методологических принципов, с другой? Что могли бы сказать постмодернисты, исключаящую всякую возможность наличия общих законов, правил существования мира и, следовательно, легитимных в научном отношении прав построения единой картины мира?

Постмодернисты писатели, художники, композиторы, собирая разбросанные цивилизацией многочисленные камушки цитат, пыль былых авторских амбиций, уцелевшие осколки стародавних сентенций, на все лады пародируют их, переводя в иронически-смеховые регистры любые поползновения патетики. Тем не менее восхваляемый, проклинаемый и всё ещё, кажется, не вполне внятный даже для большинства исследователей постмодернизм, обращающийся к заведомо элитарной, интеллектуальной, «продвинутой» или считающей себя таковой публике, делает

своё историческое дело. «Новоархаический»⁵ постмодернизм, ставший всеобщей средой обитания, выполняет сегодня, быть может, главную черновую работу на все-ленской стройке универсального, целостного, конвергированного знания, возможность достижения которого сам он, конечно же, категорически отрицает.

¹ Чучин-Русов А. Е. Образование и культура // Педагогика. 1998. № 1.

² Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. М., 2002. Кн. 1–2. С. 141–146, 413–420. Данная концепция разрабатывалась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в 1996–1998 гг. (проект № 96-01-00083); публикация двухтомной монографии также осуществлялась при поддержке РГНФ (проект № 00-03-16002). Цикл публикаций по теории единого поля мировой культуры имеет высокий индекс цитирования (тысячи ссылок в научных публикациях). С опорой и ссылками на отдельные положения теории единого поля мировой культуры защищены сотни кандидатских и докторских диссертаций по философии, педагогике, культурологии, филологии, политологии, социологии, психологии, искусствознанию, истории, географии, архитектуре, экономике, юриспруденции.

³ Чучин-Русов А. Е. Междисциплинарно-системное образование и культурное моделирование // Мир образования — образование в мире. 2007. № 1.

⁴ См.: Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. С. 1277–1320.

⁵ Чучин-Русов А. Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. 1999. № 4.

⁶ Глубинные причины того, что сначала К. Баугин в XVII в., затем К. Линней в XVIII в. предложили именно бинарную номенклатуру для универсальной классификации микроорганизмов, растений и животных, крылись, возможно, в тех же интуитивно архетипических ($W = M$) подходах, какие содействовали формированию и изначальных синкретических понятий человека архаики, и концептов современного знания. Бинарная номенклатура предполагает обозначение биологических видов двумя латинскими словами, первое из которых — название рода, второе — видовой эпитет (напр., *Centaurea cyanus* — василёк синий). По такому же гендерно-видовому принципу $W = M$, объединяющему общее, универсальное, родовое (род, фамилия, M) и имя (видовой признак, частное, отдельное, имя, W) формируются и личные имена (Мур Генри, Петров Василий), и имена-отчества там, где они приняты (Петров Иван Васильевич). В последнем случае в качестве базового родового, универсального признака (M) выступает имя отца (Василий), а в качестве отдельного, частного, уникального (W) — имени его детей (в данном примере — сына Ивана). Обычай называть внука именем деда прежде всего указывает на сакральный характер генетического воспроизводства.

⁷ Бинарно-целостный характер понятия «фенотип-генотип» затрагивает важнейшую философско-этическую проблему жизни и смерти. Он как бы снимает противоречие между архаической «мы-психологией» (смерти нет, пока существует мой род) и цивилизационной «я-психологией» (все люди смертны). Фенотип (я) и генотип (род) представлены здесь как единое целое ($W = M$).

⁸ Чучин-Русов А. Е. Культурно-исторический процесс: форма и содержание // Вопросы философии. 1996. № 4.

⁹ Воспитание и образование входят в ряд семантических значений латинского слова *cultura*.

¹⁰ См.: Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. С. 372.

¹¹ См.: Там же. С. 205 и след.

¹² См.: Там же. С. 651.

- ¹³ См.: Там же. С. 104.
- ¹⁴ Чучин-Русов А. Е. О корреляции культурологических и лингвистических гендерных моделей // Вестник славянских культур. 2009. № 2.
- ¹⁵ Булыгина Т. В., Крылов С. А. Система языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- ¹⁶ См.: Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. С. 243 и след.
- ¹⁷ От гр. *enantios* — противоположный. Здесь имеются в виду ряды пар антиподов (противоположностей), например, динамика и статика, целое и особенное, овнутрение и выхождение из себя, родство и обособленность, членение и связность. Близкий термин энантиомерия используется в химии для обозначения вида пространственной изомерии химических соединений, способных существовать в виде пары оптических изомеров (оптических антиподов, энантиомеров), обозначаемых обычно с помощью двух знаков арифметических действий: (+) — изомер и (-) — изомер. На самом деле во всех случаях речь идёт всё о тех же амбивалентно-архетипических структурах, инвариантом которых является формула культурного архетипа $W=M$.
- ¹⁸ Вашестов А. Г. Романо Гвардини // Современная западная философия. Словарь. М., 1991.
- ¹⁹ Тоценко Ж. Т. Кентавр-проблема в познании и преобразующей деятельности человека // Социологические исследования. 2005. № 6.
- ²⁰ Автор обзора отмечает, что гибридные субъекты предпринимательской деятельности оказываются подчас более устойчивыми, чем их аналоги, придерживающиеся правил только либеральной или только социалистической экономики.
- ²¹ Подробнее см.: Чучин-Русов А. Е. Политика как макрофеномен культуры // Политические исследования. 1997. № 4.
- ²² Словарь иностранных слов. М., 1989.
- ²³ Ганишина К. А. Французско-русский словарь. М., 1990.
- ²⁴ См.: Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. С. 221 и след.
- ²⁵ См.: Там же. С. 357 и след.
- ²⁶ Чучин-Русов А. Е. Слова и смыслы // Материалы научной конференции «Русский язык и СМИ». Дзержинский, 2005.
- ²⁷ См. 4 кн. его романа «Война и мир».
- ²⁸ Журнал «Анналы экономической и социальной истории» был основан в 1929 г. Его создание связано с именами профессора экономической истории в Сорбонне М. Блока (1886–1944), автора известной книги «Апология истории», и Л. Февра (1878–1956).
- ²⁹ Фрагменты 12-томного труда Тойнби «Исследование истории» (1934–1961) появились в русском переводе во второй половине 1990-х гг. под названием «Постижение истории».
- ³⁰ Чучин-Русов А. Е. Природа культуры // Общественные науки и современность. 1995. № 6. Это была первая из обширного цикла работ, посвящённых новой — гендерной — концепции культуры, получившей название концепции единого поля мировой культуры, или кижли-концепции. Подробнее см.: Единое поле мировой культуры: обсуждение новой концепции // Общественные науки и современность. 2003. № 6.
- ³¹ См.: Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. С. 432.
- ³² Панов А. Д. Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. 2005. № 1.
- ³³ История современной архитектуры с точки зрения теории архитектурного процесса. «Круглый стол» с участием известного французского историка архитектуры Жана-Луи Коэна: Как писать историю современной архитектуры. Гл. редактор «Архитектурного вестника» Д. Фесенко. URL: <http://archvestnic.ru/en/news/899/print> (2007) (дата обращения: 15.03.2012).

³⁴ *Фельдблюм В.* Вторжение в незыблемое. Ярославль, 2007. С. 132–133.

³⁵ *Чучин-Русов А. Е.* Чёрная дыра истории: 2015 год // Полигнозис. 2007. № 1–4; 2008. № 1.

³⁶ Авторами этой исторической концепции являются российские математики.

³⁷ Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 290.

³⁸ Там же. С. 311.

³⁹ *Бурдые П.* Оппозиции современной социологии // Социологические исследования. 1996. № 5.